

И Э Н М А К Ь Ю Э Н

ИЭН
МАКБЮЭН

ТАРАКАН

Москва
2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan

THE COCKROACH

Copyright © Ian McEwan 2019

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*

Художественное оформление и иллюстрация
на переплете *Марины Мовшиной*

Макьюэн, Иэн.
М15 Таракан / Иэн Макьюэн ; [перевод с англий-
ского Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2021. —
128 с.

ISBN 978-5-04-115970-2

«Тем утром Джим Самс — не гений, но с усами — проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо».

В прошлой жизни он был презираем многими, но в своем новом воплощении он самый могущественный человек в Британии. Он прибыл, чтобы исполнить важнейшую миссию, и ничто не сможет его остановить — ни оппозиция, ни члены его собственной партии, ни даже принципы демократии.

Умно, остро, сатирически: вспоминая одно из самых известных произведений Кафки — «Превращение», Макьюэн рассказывает о современности, которая кажется слишком безумной, чтобы быть правдой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115970-2

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается
Тимоти Гартону-Эшу¹*

¹ Тимоти Гартон-Эш (род. 1955) — британский историк, автор книг и публикаций, посвященных политике и современной истории Центральной и Восточной Европы. *Здесь и далее примеч. пер.*

Эта повесть представляет собой
художественный вымысел.

Имена и характеры действующих лиц
являются плодом авторского воображения.

Всякое сходство с реальными
тараканами, живыми или мертвыми,
совершенно случайно.

ОДИН

Тем утром Джим Самс — человек умный, но никак не глубокий — проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо. Довольно долго он лежал на спине (не самая его любимая позиция) и ошарашенно смотрел на свои далекие ступни, их малочисленность. У него теперь было всего четыре конечности, и они не шевелились. Его прежние, коричневые, лапы — он уже испытывал по ним ностальгию — сейчас бы задорно месили воздух, пусть от этого и было бы мало толку. Он тихо лежал, борясь с паникой. У него во рту гнезвился мясистый орган, влажный, скользкий кусок плоти — какая гадость, особенно когда он сам собой ощупывал пещеру его рта и, как отметил Джим с тревогой, скользил по частоколу зубов. Он воззрился на всю длину своего тела. Окрас у него был, от плеч до щиколоток, бледно-голубой, с синей оторочкой на шее и запястьях, и с белыми пуговицами, шедшими в ряд вдоль слитного корпуса. Корпус периоди-

чески оведал порыв воздуха, приносивший не лишенный приятности запах разлагавшейся еды и зернового спирта, и Джим догадался, что это его дыхание. Его угол зрения досадно сузился — фасеточных глаз больше нет, — а буйство красок угнетало. Он начал понимать, что, по насмешке судьбы, его уязвимая плоть располагалась теперь снаружи скелета, который он даже не мог видеть. А как бы его утешил знакомый перелив коричневых пластин.

Все это было само по себе скверно, но, стряхнув с себя остатки сна, он осознал, что у него была какая-то важная одиночная миссия, хоть он и не мог вспомнить, в чем она заключалась.

«Я опоздаю», — подумал он, попытавшись приподнять с подушки голову, которая весила, должно быть, не меньше пяти килограммов. «Это так несправедливо. За что мне это?»

Фрагментарное сновидение, которое он видел, было глубоким и безумным, в нем его преследовало хрипкое эхо, звучащее в постоянном диссонансе. Только теперь, уронив голову обратно на подушку, он начал прозревать свой сон — мозаику воспоминаний, впечатлений и намерений, которую он безуспешно пытался сложить.

Да, он оставил приятно ветшавший Вестминстерский дворец втихую, по-английски. Как и было положено. Секретность прежде всего. Ему ли не знать. Но когда точно он двинулся в путь?

Несомненно, после темноты. Прошлым вечером? Позапрошлым? Должно быть, он ушел через подземную парковку. Если бы он выбрал главный вход, ему пришлось бы миновать начищенные ботинки полисмена. Теперь он вспомнил. Он спешил вдоль водостока, пока не достиг края внушавшего ужас перекрестка Парламент-сквер. Увидев стоявшие в ряд, рокотающие моторами машины, которым не терпелось впечатать его в асфальт, он бросился наперерез, к водостоку на дальней стороне. После чего — казалось, прошло не меньше недели — он преодолел другую внушавшую ужас дорогу, стремясь к нужной стороне Уайтхолла. Что дальше? Он пробежал много ярдов, это не вызывало сомнений, а потом остановился. Почему? Ах да, он вспомнил, в чем было дело. Тяжело дыша всеми своими дыхальцами, он отдохнул у большого водостока, чтобы подкрепиться выброшенным куском пиццы. Весь кусок он не одолел, но надкусил изрядно. Ему повезло, что это была «Маргарита». Он ее обожал. Никаких оливок. По крайней мере, ему ни одной не попало.

Его новая громоздкая голова, как он обнаружил, могла без особых усилий поворачиваться на 180 градусов. Он повернул ее в одну сторону. Он находился в маленькой чердачной спальне, залитой резким утренним солнцем, — занавески не были задернуты. Рядом с кроватью стоял телефон,